

Алена Жукова

Мадам Дубирштейн

Никто из нынешних жильцов дома номер пять по улице Тенистой не знал имени одинокой старухи, занимавшей семнадцатиметровую комнату в коммунальной квартире Каблуковых. К тому времени это была уже последняя нерасселенная квартира в приличном, хоть и старом доме, стоящем в окружении ведомственных построек. Район считался престижным. Из окон верхних этажей можно было увидеть море, которое отделяли от неба стоящие на рейде корабли.

Мало кто из соседей помнил ее заковыристую еврейскую фамилию – Дубирштейн. Кто-то утверждал, что старуха поселилась здесь еще до войны, а ее муж был тем самым архитектором, который спроектировал этот дом. Еще ходили слухи, что она была когда-то богатой наследницей и жила в городе Аккермане в особняке со львами. Может быть, поэтому ее, вечно грязную и дурно пахнущую, называли во дворе Мадам. На самом деле, не случись известных социальных потрясений в истории России, маленькая Эстер, так ее назвал отец, большой знаток библейских текстов и банковского дела, действительно стала бы обладательницей приличного состояния, поскольку была единственным ребенком в семье. Отец тяжело переживал вдовство, долго не мог забыть молодую жену, умершую вследствие послеродовой горячки, и очень настороженно относился к претенденткам на роль мачехи Эстер. В результате он так и не успел жениться до того, как красный комиссар, приставив маузер к его голове, вышиб вместе с мозгами всю мнительность и осторожность еврейского коммерсанта. Девушка осталась сиротой. Особняк со львами был отдан через пару десятков лет пионерам, а Эстер лишилась возможности

прожить легко и удобно свою долгую жизнь. Теперь под конец этой не удавшейся с самого начала жизни Мадам Дубирштейн хотела как можно скорее порадовать соседей, не очень счастливую семью Каблуковых, своей долгожданной смертью. Но все как-то не получалось. Смерть добровольно не приходила, а инициативу по ее приближению старуха полностью доверила Богу и соседям.

Жильцы сочувствовали Каблуковым и с пониманием относились к их неприкрытому желанию любым способом избавиться от старухи. Была какая-то несправедливость в том, что семья из четырех человек ютится на двадцати квадратных метрах, а рядом пропадает большая светлая комната с балконом. Людка с больным мужем и двумя детьми измучилась в тесноте и неудобстве соседства с полоумной старухой. Правда, на кухню Мадам давно не выходила, грела чайник у себя в комнате на электрической плите, а что ела и ела ли вообще – это Людку не волновало. Волновало другое: что старуха когда-нибудь их спалит, а если не спалит, то доведет до психушки. В туалет после Мадам зайти было невозможно, воду она не спускала, то есть она пробовала, но тугая цепочка слива ей не поддавалась, а потянуть ее как следует сил у нее уже не было. Ясно было, что терпению старших Каблуковых мог наступить конец, и если бы не нашелся бескровный способ разделаться со старухой, то Людка готова была пойти на что угодно.

Часто семейство отходило ко сну со сладкой мечтой о том, что утром старуха не выйдет из своей комнаты, а уже к вечеру, отвезя ее в морг, можно будет прибраться и захватить комнату. То, что их оттуда не попрут, было ясно как день. Во-первых, их много, во-вторых, Славик – инвалид, а у Мадам никакой родни вот уже тридцать лет не наблюдалось. Но каждое утро со щенячьим писком отворялась дверь и шаркающие шажки затихали в закутке туалета. Людка лежала в постели с открытыми глазами, прислушиваясь только для того, чтобы еще раз удостовериться: «Опять воду не спустила, курва старая», – и в сотый раз пообещать себе упечь ее в богадельню, а если нет, то пусть ее Бог простит...

Утром Люда кормила мужа, подтирая вытекающую кашу из его окривевшего рта.

– Что-то наша Мадам совсем плоха стала, – прошамкал Славик, – еле ходит...

После правостороннего инсульта он разговаривал и передвигался с трудом. Работа грузчика в порту – золотое дно – кончилась сразу и бесповоротно. Людка, бедрастая нечесаная баба, огрызнулась, глянув неприязненно на мужа:

– Она еще всех нас переживет. Скорее я тут дуба дам с вами со всеми.

Сквозняком шарахнуло дверь, и Людка выскочила из кухни.

– Ты посмотри, что делается-то! – истошно заорала она. – Дверь нараспашку: приходи, бери. Шалава старая, куда тебя черти носят! Чтоб ты сдохла! – крикнула она в гулкое пространство подъезда, и эхо заметалось среди лестничных пролетов.

Солнце путалось в рваных сетях сухих акаций, билось об окна и падало растекшейся бронзой на землю. Старуха стояла в тени парадного, боясь переступить границу прохлады и оказаться в тягучей жаре летнего дня. Одета она была независимо от сезона в драный габардиновый плащ и шляпу, напоминавшую летнюю панаму, неопределенного грязно-серого цвета. Она переминалась с ноги на ногу и оглядывала слезящимися от солнца полуслепыми глазами мир, в который предстояло выйти и прожить еще один день никому не нужной жизни. Прошмыгнул мальчик-велосипедист, сплюнув ей под ноги. Она покачала головой и, обогнув плевков, вышла на солнце.

Людка захлопнула входную дверь и вернулась на кухню. Там она застала всю семью в сборе. Тринадцатилетний Валерка пальцами вылавливал черешню из компота, а семилетняя Ириша хмуро сидела, уставившись в тарелку с едой.

– Все, больше не могу, – заявила Людка с порога и плюхнулась на табурет. – Надо что-то делать. Соберем подписи, я позвоню куда надо... взятку дам, пусть забирают ее куда-нибудь. Ну кто у ей такая, чтобы лужи ее вонючие подтирать? Своего дерьма достаточно...

– Ну что ты опять с утра завелась? – вздохнул Славик. – Ну сходи опять в архив, может, найдется родня какая...

– Ну что ты мелешь, – набросилась она на мужа, – зачем нам ее родня? Старуху не заберут, а вот комнату оттяпают точно. Тут все по-умному сделать надо.

– А давайте я ее пугну ночью, вроде как привидение, она со страху и помрет, – встрял Валерка.

– Сиди, жуй да помалкивай, – прикрикнула на него Людка.

Валерка выловил из компота последнюю черешню и ловким щелчком отправил косточку в Иришкин лоб. Лицо ее ожило и скривилось в плаксивой гримасе. Цыкнув на сына, Людка набросилась на дочь:

– Сколько можно сидеть? Жри давай. Кожа да кости.

– Не хочу кашу, – заныла Ириша и попыталась выскользнуть из-за стола. Людка дернула ее за руку и усадила на стул.

– Будешь сидеть, пока все не съешь.

Ириша брызнула слезами в тарелку. На гладкой поверхности каши они оставили кратеры и воронки. Девочка с интересом стала разглядывать причудливый ландшафт. Людка с раздражением отвернулась от дочери и увидела, что сын уже стоит на пороге, готовясь вылететь из квартиры.

– Чтоб, как стемнеет, был дома, – бросила мать, но, похоже, Валерка это выражение усвоил уже давно и не считал должным на него реагировать.

Мадам Дубирштейн, держась за стену дома, медленно продвигалась к цели своих ежедневных прогулок. Ей нужно было пройти метров тридцать до следующего подъезда. На это уходило не менее получаса. Сегодня особенно тяжело давался этот путь. Горячее солнце жарило немилосердно, и от его яркости старуха слепла. Помогала шершавость стены, которая должна была неизбежно привести к Дусиной двери. Если Дуся не пошла в магазин, то нальет супу, а если ушла, то можно подождать, ей не к спеху.

Дуси дома не оказалось, и старуха пристроилась в уголке подъезда, облокотившись о прохладную и пыльную батарею центрального отопления. Беспризорная кошка, потревоженная бесцеремонным вторжением на ее территорию, прыгнула с батареи на пол, недовольно покосившись на Мадам.

– Ну извини, – прошептала старуха, – я только Дусю дождусь.

Ждать пришлось недолго. Запыхавшаяся и потная Евдокия, груженная до зубов кошелками со снедью, вернулась домой. Она, как всегда, пригласила Мадам Дубирштейн войти и вскоре поставила перед гостьей тарелку куриного бульона с клецками.

Старуха, похлебав ароматной наваристой жидкости, от клецок отказалась, извинившись перед хозяйкой. Она почувствовала, что прожевать их не хватит сил, как не хватит сил сейчас встать и уйти. Евдокия не гонит, но ведь и так понятно, что дел у той по горло. Надо наготовить на семью из пяти человек, постирать, убрать, да мало ли что. Еще она знает, что, когда уйдет, Евдокия тут же откроет окно. Последнее время все чаще не удается дойти до туалета вовремя, а каково ее соседям терпеть такое... Старуха сокрушенно покачала головой. Она отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на суетящуюся у плиты Евдокию. Ее спина, обтянутая розовой линиялой майкой, напоминала перевязанный во многих местах батон колбасы. Пухлые руки с крылышками отвисшего жира летали над кастрюлями, казалось, растворяясь в пару и жару кулинарного действия. Мадам Дубирштейн хотелось сказать что-то хорошее этой мягкой доброй женщине, которая зачехто жалеет ее, кормит и даже разговаривает. Она собрала все силы и, тяжело встав со стула, произнесла витиеватую благодарность. Евдокия развернулась и в недоумении уставилась на старуху.

– Что это вы со мной не по-нашему говорите? Это что за язык чудной? Я и не знала, что вы иностранным владеете. Надо же, и помнит еще, – удивилась Евдокия.

Мадам сконфуженно улыбнулась:

– Простите, вдруг на идиш сказала, сама не понимаю почему. Но я хочу вам сказать, если вы так готовите курицу, то вы должны понимать на идиш.

– Ну вы и скажете! И чем это курица такая замечательная? – довольно отреагировала Дуся. – Вот фаршированную рыбу я действительно умею делать по-вашему. У меня с ней вообще одна крупная неприятность случилась. Да вы садитесь, куда спешить, чаю будете?

Старуха с облегчением опустила на стул и приготовилась слушать. Евдокия начала издали, долго жалуясь на свою непутевую дочку, очень неудачно вышедшую замуж за алкоголика. Оказалось, что до этого к ней сватался сын большого начальника, и вот тогда как раз и случилось то, что Евдокия по сей день считала причиной расстройтва помолвки. А дело было так. Отец жениха стал большим начальником после того, как его предшественник

проморгал зятя-еврея. Тот полетел с поста вслед за дочерью, которая, плюнув на все, улетела с мужем в Израиль. Забравшись на вершину начальственной пирамиды их ведомства, будущий свекор очень зорко охранял национальную чистоту семьи. Придя в гости на смотрины невесты, был вроде бы всем доволен, как вдруг на столе появилась фаршированная щука и полагающийся к ней хрен. Евдокия гордо заявила, что это ее фирменное блюдо, а секрет приготовления именно такой рыбы передается женщинами их семьи из поколения в поколение. Это как бы их семейный рецепт. А дело просто в количестве жареного и сырого лука.

– И представьте себе, этот идиот папа спрашивает: «Еще раз повторите, как ваша фамилия?». Я ему и отвечаю: «Квитницкая, что означает в переводе с украинского «цветочная». И знаете, что он мне сказал? «Мне не нравится окончание вашей фамилии». Как я пожалела, что мой Костик, царство ему небесное, не дожил до этого дня. О, как бы он намылил морду этому жлобу. Оксанка после этого надулась и сына его тоже видеть не захотела. Ну что вы на это скажете, Мадам Дубирштейн?

– Я скажу, что он поц, а вы ничего не потеряли.

Дуся усмехнулась и присела напротив старухи.

– Ну вы сегодня меня удивляете. Я раньше от вас таких слов никогда не слыхала. Вы про людей только хорошее всегда говорите, даже о соседях ваших, уж на что поганые, а вы вроде как жалеете их.

Мадам Дубирштейн обмякла и качнулась. Дусе показалось, что та упадет со стула, но старуха вдруг затряслась от смеха и очень ясно и громко выговорила:

– Хамы. Несчастные люди. Дусенька, мне их действительно жаль. Они так мало видели и знают, и, самое печальное, так мало хотят...

– Мало! – возмутилась Дуся, отчего сразу покраснела и покрылась испариной. – Да они спят и видят, как вас на тот свет спровадить и комнату занять!

– Их можно за это простить. Я – не самое приятное соседство. Знаете, я никак не могу справиться с организмом. Он не перестает работать. Как ни приказываю, не слушается. Вот зачем-то супу поела, а ведь потом опять не добегу.

– Давайте я вас до уборной доведу, – предложила Дуся, – на всякий случай.

– Нет, что вы... Мало того, что я у вас ем...

Старушка с трудом встала и, шатаясь, направилась к двери. Под столом что-то чернело. Дуся подозрительно всмотрелась в очертания предмета. Не то куча, не то мешочек какой-то. Она нагнулась и подняла затертый ридикюль, на котором, несмотря на проплешины осыпавшегося бисера, читались инициалы «Э. Д.». Окликнув гостью, протянула ей находку. Старуха удивилась:

– Как же он выпал? Я ни разу в жизни его не теряла. Вышла после свадьбы. Он всегда со мной. Там все, что у меня есть. Хотите покажу? А то вдруг потеряю совсем.

Дуся не горела желанием рассматривать старухины реликвии. Время подпирало, но для приличия согласилась.

– Буква Э – это меня так называли в детстве, Эстер. Знаете, кто такая Эстер? Нет? Ну и не надо. Хитрая она была, смелая, а я – дура трусливая, в Эру переименовалась. Так дурацкой Эрой и помру.

Старуха высыпала на стол содержимое мешочка. Звякнул тяжелый черный ключ, к которому тряпочкой был привязан плоский английский ключик. Выкатилось грязное колечко непонятого металла. Трясущейся рукой она извлекла несколько порывевших от времени фотографий и тощую стопочку денег, перетянутых аптечной резинкой.

– Я давно хотела вас попросить, но как-то не решалась. Не хотелось доставлять лишние хлопоты, но вот пенсию платят, мне она ни к чему. Кое-что собралось. Дуся, не откажите. Возьмите эти деньги. Не думайте, это не на похороны. Это для жизни. Купите внукам что-нибудь хорошее. А как меня похоронят, мне все равно. Муж и сын в печах лагерных сгорели. Живьем горели, а после смерти оно даже приятнее, чем гнить где-то.

– Да бог с вами, – возмутилась Дуся, – зачем мне ваши деньги? А похоронить вас не большие траты, лучше живите сто лет.

– Так я уже вроде около этого. Тяжело.

Дуся торопливо стала запихивать назад в ридикюль сомнительные ценности. Надо было выпроваживать старуху.

Путь назад к своему подъезду Мадам Дубирштейн проделала гораздо быстрее. Даже смогла подняться на второй этаж,

ни разу не остановившись более чем на несколько минут. Вошла в квартиру. Дверь в соседскую комнату была приоткрыта. Оттуда вытекал красноватый лучик света. Он сполз с багрового штапеля сборчатых штор и метнулся в коридор из духоты каблуковской комнаты. Было слышно, как храпит и кашляет Славик, как капает из крана вода на кухне, как тикают часы. Людки и детей не было дома. Мадам Дубирштейн с опаской прошла на кухню. У крана она остановилась и протянула под капельки сухую ладошку. Они приятно щекотали руку, просачиваясь сквозь плохо сомкнутые пальцы. Собрав с чайную ложку холодной воды, она плеснула в лицо и блаженно рассмеялась. Сдавленный скрипучий звук собственного смеха удивил ее. В ушах звенел переливчатый легкий смех молодой Эстер, той, которая, подставив лицо весеннему ливню, кружилась в диком и пьяном танце. Это был май 45-го. Она еще не знала о судьбах мужа и сына. Она была пьяна первый и единственный раз в жизни. Ее смех, будто рвущаяся в небо птица, бился в горле и, срываясь с губ, улетал, чтобы больше уже не вернуться никогда.

Старуха попробовала открутить кран, но сил не хватило. В глубине раковины расползлась паутина мелких трещинок вокруг давно отколовшейся эмали. Она провела рукой по выщербленному дну и улыбнулась. Тогда, много лет назад, чугунная гусятница выскользнула из мокрых рук и разбила молочную белизну новой мойки. Шура, тогдашняя соседка по коммуне, распереживалась из-за своей нерасторопности. У нее подскочило давление, и пришлось вызывать врача. Они с Шурой жили душа в душу. Одинокие немолодые женщины. У Шуры, правда, никто не погиб, просто замуж так и не вышла. Многие считали, что они сестры. Так оно и было, наверное. Когда Шурочка умирала от рака груди, то врач не удивлялся стойкости Эстер, которая сутками не спала, не отходя от постели больной. Сестра, вот и должна. Он только ругал, что проглядела начинающийся разрушительный процесс в организме близкого человека. Рак не был вовремя прооперирован, пошел в легкие, вот и результат. Шура мучилась страшно, даже морфий не помогал. В бреду все время звала Эстер, просила лечь рядом, обнять. До болезни она очень любила поиграть, как маленькая девочка, в доктора или парикмахера.

Усаживала Эстер перед зеркалом и начинала причесывать ее тогда еще густые и черные волосы. Потом она строго спрашивала соседку, когда та последний раз сдавала кровь и мочу на анализ и собирается ли наконец провериться у гинеколога. Эстер подыгрывала и жаловалась на тошноту по утрам, на головокружения. Шура вскрикивала и ворчливо заявляла: «Вы, женщина, что себе думаете? Вы же беременны! И не стыдно вам! И где вы только это находите?». После этого они веселились, зная точно, что давно не ищут и не ждут тех, от кого случаются подобные неприятности. А ведь тогда им было около пятидесяти, но, если честно, та и другая подзабыли, что вообще существует такой аспект женской жизни, как близость с мужчиной. У каждой из них были на то свои причины, но никто по этому поводу не страдал. Иногда игра в доктора заканчивалась неприятностями вроде Шуриных обид, когда Эстер отказывалась показать специалисту грудь или низ живота. Эстер ссылалась на застенчивость и необразованность пациента, а Шуркины странности объясняла искалеченной судьбой и лагерной жизнью с тридцать седьмого по пятьдесят пятый. Хорошо, что не загнулась. А странности, у кого их нет? Умирая, Шура прижалась к Эстер всем телом, уткнувшись носом куда-то под грудь. Когда Эстер поняла, что это наконец случилось, она осторожно, как спящего младенца, отняла подругу от груди и увидела такое, что абсолютно и навсегда примирило ее со смертью. На Шурином лице застыло блаженство. Это было похоже на то, что произошло с Мишиным лицом после их первой брачной ночи. Поразительное совпадение она истолковала по-своему. Лучше всего подходило слово «облегчение», но она ошибалась. Это была любовь.

Каблуковы были какой-то там Шуриной родней. После ее смерти они бросили хозяйство в райцентре и переселились в комнату в коммунальной квартире, но зато в городе, а главное, с хорошей перспективой на будущее, о чем свидетельствовал преклонный возраст соседки и ее абсолютное сиротство. Поначалу все складывалось не так плохо. Эстер особенно радовало появление детей в доме. Но постепенно крутые бедра и локти новой соседки потеснили старушку. Ванна не освобождалась от замоченного белья, в коридоре и кухне растянулись веревки, отвисающие под тяжестью влажных плохо выстиранных, сперва детских,

а потом Славкиных пеленок, распространяющих острый аммиачный дух. Эстер не роптала и даже старалась как-то помочь Людмиле с детьми. Но та запретила им заходить к старухе в комнату.

– Вы меня, конечно, извиняйте, – сказала она соседке, – я брезгливая очень. Вот, к примеру, если волос где увижу, или ноготь валяется, так меня уж всю прямо выворачивает. Откуда я знаю, что вы детей за лицо трогать не будете?

Старуха не обиделась, но очень огорчилась. Ей захотелось пореже бывать дома. Пока носили ноги, удавалось исчезать с утра и возвращаться ночью. Время шло, силы убывали, а соседи мучились. Мучилась и Мадам Дубирштейн. Но теперь ей показалось, что она знает, как поступить. Бросив под кухонный стол свой ридикюль и немного подправив ногой, так, чтобы было виднее, она ушла в свою комнату. Прикрыла дверь, улеглась в кровать и представила, как все произойдет. Людка найдет кошелек, в нем ключ и деньги. Жаль, что Дуся отказалась. Вряд ли эти деньги Люда потратит на похороны. Но главное не деньги, а ключ. Ведь чего Людка опасалась больше всего, так это вызвать подозрение, если причина смерти не будет выглядеть абсолютно натурально. А теперь все произойдет так просто. Людка повернет ключ в замочной скважине – и все. Откроют уже потом и скажут, что соседка всегда на ночь запиралась, а чего не выходила пару дней, так это не их дело, а может, и выходила, так они не заметили. «А иначе, если меня не запереть, – подумала она, уже почти засыпая, – то опять утром встану и пойду, попью, поем, обделаюсь, и опять все сначала».

Людка нашла старушкину приманку тем же вечером и все сделала правильно, как и ожидалось. Она заперла дверь, убедившись, что старуха спит. Поразмыслив немного, приняла решение никому в семье не говорить о случившемся и просто уехать всей семьей на день-два к родне. Всего-то час электричкой. Люда была не вполне уверена в том, что в момент, когда старуха начнет дергать дверь, не дернется сама. Ведь она не зверь какой-то, но не может она больше так, не может...

Каблуковы вернулись через четыре дня. Как Люда ни торопила их с возвращением, ничего не получалось. Славик не вставал из-за стола и пропускать стопку за стопкой с хозяином дачи,

как будто не было инсульта. Дети не выходили из теплой лиманской воды, а сестра просила помочь с закрутками – вишня горела на солнце, надо было срочно распихивать ее по банкам. Пока тряслись в электричке, на душе у Людмилы кошки скребли, а когда подходили к дому, она ожидала всего что угодно. Теперь объяснить, как старушка могла запереть себя снаружи, будет невозможно. Скорее всего, уже и Дуська спохватилась, старуха к ней чуть ли не каждый день шастала, небось уже приходила и заподозрила что-то неладное. На подходе к дому она высматривала «скорую» или милицию, но все было спокойно. На негнувшихся ногах она вошла в квартиру. Дети скривили носы от отвратительного запаха, а Славик тут же обнаружил его источник – перед отъездом он забыл вынести кулек с рыбьей требухой, вот он и завонялся в жаре такой. Люда подошла к старухиной двери, прислушалась. За дверью была гробовая тишина. Она толкнула дверь, и дверь поддалась. У Люды зашевелились волосы на голове. Старуха лежала на кровати, вытянувшись в струночку. Она казалась стройной, длинной и молодой. Люда повернула выключатель, и тусклый свет по-другому осветил происходящее. На кровати лежала мертвая старая женщина. Ее голова была высоко закинута, подбородок надменно выступал, а горбатый нос, казалось, хотел клюнуть свисающую с потолка обсиженную мухами грязную лампочку. Люда с опаской подошла ближе и взглянула в лицо усопшей.

– Господи, – перекрестилась Людка, – с чего же она так лыбится, будто хорошо ей, сил нету? Ну дай ей Бог счастья на том свете.

Она вышла из комнаты и торжественно объявила домашним о смерти соседки. Дети радостно завопили, Славик так разволновался, что схватился за сердце. Люда строго пресекла ликование и объявила, что надо все организовать по-человечески. Денег на похороны не жалеть, пригласить весь двор, а главное, сделать все быстро, поскольку по еврейским обычаям три дня не ждут. Доктор засвидетельствовал смерть без лишних вопросов, и никакой экспертизы, чего всегда боялась Люда, не потребовалось. Единственное, что он сказал, похоже, смерть наступила совсем недавно, буквально пару часов назад. Постель под спиной покойницы была еще теплой. Скорее всего, во сне остановилось сердце.

Похороны получились очень приличными. Мадам Дубирштейн лежала в гробу вся в белом. Соседи шутили, что такой чистенькой ее не видели давно. Было много цветов и венков. Многие дивились Людкиной щедрости, только Дуся ничего не сказала, просто тихо всплакнула, одна среди всех.

Людка объяснила ту странность, что случилась с дверью, обычной житейской ситуацией, когда из-за невнимательности и волнения просто не провернула ключ до конца. Бог отвел, как бы теперь и не виновата вовсе. Теперь настало время вынести весь старухин хлам, сделать небольшой ремонт – и можно вздохнуть спокойно.

На субботник по очистке жилплощади была организована вся семья. Дети сваливали в мешки старухины вещи, которых оказалось немало. Люда подивилась тому, с каким безразличием старуха относилась к довольно дорогим вещам. Вот, например, лисья горжетка, шуба панификсовая, все сгнило, рассыпалось. Мехам воздух нужен был, уход, а эта дура старая их в целлофан упаковала. Иришка нашла альбом с фотографиями. Снимков было не много, но на одном из них стояла, облокотившись о колонну, смуглая черноволосая женщина с удивительными глазами вроде больших маслин, которые приносил папа с работы, когда он разгружал греческие суда. Фотография была не такая, как сейчас делают, а жесткая и толстая, вроде картона. Внизу и на обороте красивыми буквами значилось «А. Вознесенский и К. Князев. Фотография и литография в Симферополе. Высочайшие награды государя императора, его высочества эмира Бухарского и королевы Сербской». Иришка продемонстрировала матери свою находку. Та всмотрелась и узнала:

– Ты глянь, так это ж Мадам, точно. А ничего себе была. Наверное актрисы какой. А расфуфырена-то как! Шляпа, перчатки. Какой же это год-то? Гляди, прямо перед революцией. Надо же, точно барыня.

– А я буду такой, – спросила Иришка и уточнила, – когда вырасту?

Валерка залез под кровать и выудил оттуда тапок, старый календарь и связку ключей. Людка прикрикнула на него, чтобы перестал пыль пюзом собирать. Нечего там лазить, все выкинем –

и баста. Ее хозяйский глаз остановился на связке ключей. Среди нескольких ржавых и, видимо, давно бесполезных был один, который она не могла не узнать. Точно такой она спрятала у себя в комнате за плинтусом. Ей опять стало не по себе. Так что же это получается, старуха сама дверь и открыла, а может, все же дверь не была заперта?

Для верности Людка попробовала открыть и закрыть дверь найденным ключом, и ей это удалось. Но еще она заметила, что на связке нет маленького английского ключа от входной двери в квартиру, а на той был. И это ее успокоило. Значит, старуха хоть и не могла из дому выйти, с голоду бы не померла – вона сколько еды в Людкиных ящичках: и тебе макароны, и картошка, и масла топленого банка, а в кладовочке – чай, сахар. Так что никто вас, дорогая, голодом не морил. Оно, конечно, сильно вы щепетильная были, могли чужого не взять, но если бы припекло, как миленькая наелись бы, напились...

Мадам Дубирштейн уже не могла на это ответить, да и вряд ли бы стала. За долгую жизнь она ни разу не нарушила две заповеди – не лезть в чужую душу и чужой шкафчик. В общем, можно было с ней жить, но Люда считала по-другому. Вскоре тяжелое соседство забылось. Комната была отмыта и перекрашена, и жизнь потекла своим чередом.

